

18+

Елена Комендант

В тени белой акации

мелодраматическая повесть

Елена Комендант

**В тени белой акации.
Мелодраматическая повесть**

«Издательские решения»

Комендант Е.

В тени белой акации. Мелодраматическая повесть /
Е. Комендант — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553463-7

Книга рассказывает о нелегкой жизни на чужбине эмигрантов первой волны.
Также о полном драматизма возвращении на Родину.

ISBN 978-5-00-553463-7

© Комендант Е.
© Издательские решения

Содержание

В тени белой акации	6
В тени белой акации	7
Е. Комендант	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

В тени белой акации

Мелодраматическая повесть

Елена Комендант

© Елена Комендант, 2021

ISBN 978-5-0055-3463-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В тени белой акации

Елена Комендант

Е. Комендант

В тени белой акации 2009 г.; Предисловие

«Белой акации гроздь душистые неповторимы как юность моя», – чудесные слова популярного романа навеяли на меня воспоминания о детстве и юности, и пришла мысль поделиться с возможными читателями.

Е. Комендант В ТЕНИ БЕЛОЙ АКАЦИИ

Е. Л. Комендант (Рафельд), г. Копейск, Челябинская обл.

Почему я назвала свои воспоминания таким несколько вычурным названием? Потому что, как Одессу и Киев называют городами-каштанами, так и Мукден (теперь Шеньян) славится своей белой акацией. Это дерево большое, похожее на пирамидальный тополь, каждую весну на нём распускаются соцветия, размером с большую гроздь винограда и с прекрасным ароматом – «грозди душистые», как в песне. Почти на закате жизни благодарная память не даёт мне забыть об этом дивном природном чуде.

Детство. Я родилась в Китае на ст. Ханьдаохэцзы. Волею судьбы моих родителей занесло туда революционной волной в 1920 г. Отец мой, был студентом второго курса Владивостокского политехнического института, а моей матери, Евгении Сергеевны Зайцевой, было всего три года. Мой дед с материнской стороны Сергей Тимофеевич был краснодеревщиком, мастерил мебель, замечательный охотник, и вот этот «пролетарий» с дырой в кармане и четырьмя детьми тоже оказались в Китае на станции Ханьдаохэцзы.

Стыдно признаться, но мы с братьями почти ничего не знаем о своих предках, а теперь уже и не у кого спросить. Знаю только, что мой дед по отцовской линии женился в Польше в г. Лодзь на польской паненке Матильде Завадской, увёз её в Китай и имел троих детей: моего отца, ещё одного сына помладше и дочь Руту, которая утонула в реке 16 лет отроду.

Со строительством железной дороги в Китае открылись большие возможности для предпринимательской деятельности и хорошего заработка. Тысячи людей разных национальностей устремились в Китай. В том числе и мой дед, который был подрядчиком на строительстве железной дороги. Он с семьёй обосновался на станции Ханьдаохэцзы. Дед построил мельницу, и они жили зажиточно. Даже смогли послать моего отца учиться во Владивосток.

Бабушка Матильда смертельно тосковала на этой дивной в природном отношении станции, но по существу жутком захолустье после большого г. Лодзи. Смерть дочери окончательно сломила её, и как-то в один печальный вечер она приняла большую дозу снотворного и не проснулась... Хунхузы разграбили и подожгли мельницу, дед тяжело переживал и тоже вскоре умер.

Мои другие бабушка (Софья Савельевна) и дедушка со стороны мамы имели десять детей, очень бедствовали. Из всех детей только двое – мама и её старшин брат Андрей – окончили гимназию, остальные остановились на 5-ти классах.

Мой отец женился на моей матери вторичным браком, был старше на 19 лет. Через год на свет появилась я, а ещё через год и 4 месяца мой брат Виталий. Мы с ним погодки.

Себя я помню очень рано. Мы жили уже в г. Харбине, отец работал на КВЖД. Бывало, ездил зимой на охоту, это было его хобби. Однажды зимой он привёз замерзшую как кость косулю, и родители начали предлагать мне потрогать её. Это произвело такое впечатление, что стало началом осознанной жизни. Ещё я помню своё падение в погреб в это же время. Мама накинула на меня большой халат и собралась сбежать к соседке. Зачем-то отвернулась, а я сделала роковой шаг и... не поняла, халат закрывал мне глаза, и это спасло меня. Мама, конечно, страшно перепугалась, потому что из ямы не раздавалось ни звука, и лишь после трехминутного молчания послышалось жалобное: «Мама». Немедленно извлеченная из погреба, я была обследована со всех сторон на предмет перелома. Но все косточки оказались целы, и живую и невредимую «парашютистку» извлекли на свет Божий.

Когда КВЖД продали, всех служащих уволили с прекрасными выходными пособиями в золоте. Мой отец прошёл на КВЖД путь от смазчика до машиниста паровоза и получил, по-

видимому, немалые деньги. К тому времени мама закончила швейный техникум, и её старшая сестра Катя, моя тётя, пригласила нас переехать в город Мукден к ней с тем, чтобы открыть там дамское ателье мод. И вот мы расстались с нашей няней Варварой Ивановной, седой, полной женщиной. Сохранилось фото, где мы с братом сидим у неё на коленях. Она мне запомнилась, главным образом, тем, что к ней часто вызывали врача по ночам, так как у неё была больная печень.

Переезд в Мукден (Шеньян). Мои родители были на редкость наивными и очень непрактичными людьми. Приглашение приняли, хотя, по-видимому, деньги уже порядочно потратили, и мы переехали в г. Мукден. Первое время тётя Катя, кстати, очень практичная и деловая женщина, поселила нас у себя, у неё была большая квартира с прислугой.

Она была замужем за японцем Нода-саном, который крестился, и они венчались в церкви (сохранилось фото). У них был сын Герман, который был старше меня на два года и учился в японской школе и в детстве был настроен агрессивно, а вырос на удивление спокойным, уравновешенным человеком.

Целыми днями слышался плач, рёв, жалобы и, конечно, это никого не устраивало, и тётя переселила нас в 2-х комнатную квартиру японского типа (сплошная фанера) над своей авторемонтной мастерской.

А пока мы ещё жили у неё, случился пренеприятный казус – обворовали тётину квартиру. Вообразите себе, каково это, жить у чужих людей и вдруг происходит этакое. Пригласили полицию, которая провела опрос всех живущих в квартире, в том числе и прислугу, служившую у тёти Кати. Вот лицо её я совсем не помню, но поразил меня в этой истории такой случай. К тётке пришла с визитом тёща её брата Андрея Евдокия Гавриловна Либерис (по мужу), она была замужем за литовцем. Толстая, круглая, как колобок, румяная бабка с толстыми щеками, славилась хорошим гаданием на картах. Тётя Катя попросила её раскинуть карты по поводу пропажи. Евдокия Гавриловна раскинула, внимательно посмотрела на прислугу и сказала: «Э, матушка, а вещи-то из дома не ушли». И, действительно, при обыске украденное нашлось в комнате горничной. Её арестовали. Мои родители вздохнули свободно, ведь всякое могли подумать. А я запомнила это гадание на всю жизнь, хотя сама никогда не гадаю, не люблю, несмотря ни на что относиться к гаданию с недоверием и опаской.

По-видимому, к тому времени как мы переехали на другую квартиру, мои родители успели растратить, а ещё больше раздать те деньги, что выплатила железная дорога. Надо было идти работать, чтобы жить. Папа устроился на завод, где штамповали посуду: кастрюли, сковородки и т. д. А мама устроилась швеей в дамское ателье «Лувр», которым владели Болтянские. Целыми днями родители были на работе, а мы с братом сидели под замком в квартире и глазели в окно. Единственным развлечением было у нас кормить уличных собак. Мы отщипывали кусочки от буханки и бросали их через форточку, внизу у окна собиралась целая свора. Однажды так увлеклись, что когда вернулись родители с работы, на ужин не осталось ни крошки хлеба.

Автомастерская под нами постоянно опробовала моторы. Вонючий едкий дым густыми клубами поднимался через щели к нам на второй этаж, и мы ежедневно вдыхали эту гремучую смесь отработанных газов, кашляли, глаза слезились. Квартирешка, как все японские постройки, совершенно не защищала нас от напасти. В ней было холодно зимой, жарко летом, вся она продувалась на семи ветрах, дым, пыль с легкостью проникали в неё.

Но даже и такой квартиры мы вскоре лишились. По-видимому, появились выгодные съёмщики, и тётка решила нас выселить прямо в Святой праздник Рождества. А надо сказать, что в то время в городе был острый жилищный кризис и снять квартиру, да ещё в праздник, было делом нелёгким.

И вот мой бедолага-отец бегал двое суток по городу в поисках хоть какого-нибудь жилья. Наконец, нашёл каморку на окраине города. Мебели у нас не было, комнатуха была крохот-

ной, мы еле вмещались вповалку на полу. Хозяйка была настоящим страшилищем, нас даже пугали ею при непослушании: «Вот позову сейчас хозяйку», – и мы немедленно притихали, т.к. боялись её, как чёрта.

Вдобавок каморка изобиловала несметным количеством кусачих квартирантов – клопов. Спать было невозможно. Особенно мы с отцом были очень чувствительны к их укусам, и часто просыпались по ночам, и отец начинал с ними сражаться.

В довершение всего то ли от смены климата, то ли от смены воды, то ли от худосочия, на нас с братом напал фурункулез. Эти болезненные нарывы выходили сериями и совершенно нас измучили. Один нарыв сел мне прямо на будущий сосочек, и я никак не давала выдавливать его. Так отец ночью у сонной, наконец, извлёк эту гадость из меня.

На этом наши беды не закончились, и нас посетила свинка. Единственным светлым пятном в том доме были наши соседи Фирсовы. У них было много детей – по-моему, пять или даже семь, помню плохо. Они страшно нуждались. Мы с ними подружились, как часто бывает – общая беда сближает людей, делились друг с другом, чем могли, угощали всем, что имели.

Мама познакомилась в своем ателье «Лувре» с одной женщиной, тоже швеей-мастерицей Ефросиньей Васильевной Орловой, которая стала нашей спутницей по жизни до самой её смерти в 1982 г. А тогда ей было лет около 40. Она была вдовой белого полковника, умершего от туберкулёза, и у неё был взрослый сын Евгений, через много лет ставший вторым мужем моей мамы.

Ефросинья Васильевна снимала в большом 3-х этажном доме квартиру из трёх комнат в полуподвальном этаже, так что мы всегда в окно видели ноги проходящих. Одну комнату она занимала сама, а две другие сдавала. Узнав о нашем бедственном положении, она предложила маме снять у неё как раз одну из пустующих комнат.

Конечно, родители согласились, и мы переехали на улицу Санвейлу в этот большой дом. Рядом стоял точно такой же дом, и оба были обнесены высоким забором с большими воротами и привратницей, в которой жил постоянно наш сторож китаец Та-дин.

Дома эти принадлежали китайской семье, которая жила в квартире напротив нас. Мы в детстве украдкой подглядывали в их окна, очень нам было интересно наблюдать за мадамой, когда она курила трубку с длинным чубуком и крошечной чашечкой на конце.

В каждом доме было по шесть квартир, и имелись парадный и черный ходы. Мы по преимуществу пользовались чёрным ходом, так как для нас это было быстрее и удобнее.

Помню день нашего заселения. Я вошла в длинный коридор, где размещались ванная и туалет, и вошла в кухню, где как раз находилась хозяйка, и она стала расспрашивать меня, как меня зовут, сколько мне лет, похвалила мои косы и спросила, отчего я такая худая. Действительно, в 5 лет я была, что называется, кожа да кости, у меня полностью отсутствовал аппетит. Не могли заставить меня есть ни уговорами, ни угрозами. Как-то мама дала мне куриную ножку. А сама вышла на кухню. Я скоренько закинула ножку за шкаф. «А где ножка?» – спросила мама. «Я её съела», – был ответ. Прямо, как у Льва Толстого в рассказе «Косточка».

Меня часто спрашивали даже незнакомые люди: «Девочка, ты что, воздухом питаешься?» И удивительное дело, при такой худобе были роскошные, густые, длинные волосы, что давало повод людям шутить: «У тебя, наверное, всё в волосы идёт». И вся я была волосатая, с густыми бровями и ресницами... Ах, куда всё подевалось!

Правда, к сладкому я имела огромное пристрастие и уж от лакомств никогда не отказывалась и была готова питаться одними пирожными и конфетами.

Кухлинг. В наш полуподвал часто приходил папин знакомый австриец по фамилии Кухлинг. Высокий мужчина средних лет с лысиной, всегда тщательно одетый, он имел аристократические манеры, всегда вежливый, любезный, целовал дамам ручки. Хорошо говорил по-русски. Он был женат недолго т.к. имел своеобразное хобби – никогда и нигде не работал. Как

только он приходил, мама немедленно терла картошку и жарила драники, которые гость обо-
жал.

Наевшись драников, они с отцом садились играть в шахматы и воцарялась благоговей-
ная тишина. Они играли часами, иногда вдруг у них возникал спор очень жаркий, яростный.
Затем они приходили к согласию, и вновь наступала тишина. Кто из них выигрывал, не знаю,
но папа был чемпионом игры города Харбина и имел приз – книгу о шахматах, на обложке
которой была сделана дарственная из червонного золота. Родители эту надпись переплавили
в обручальные кольца.

На что жил Кухлинг никто не знал. У него было много знакомых, которым он поочередно
наносил визиты, и его везде охотно принимали. И вдруг Кухлинг исчез. Куда он делся никто
не знал. Это было уже после 1945 года. Говорили, что его арестовал ДОБ (департамент обще-
ственной безопасности), т.к. он якобы оказался шпионом. Для нас, детей, это выглядело как
приключение. В нашем доме и вдруг шпион! Это было так таинственно. Так и сгинул без следа
этот Кухлинг – гражданин мира, одиночка без семьи, без близких.

Наш двор. Но я отвлеклась. Возвращаюсь к домам, где мы поселились. Полы в нашей
комнате и во всей квартире были каменные, комната оказалась не особенно большой, но мы,
по крайней мере, стали жить более-менее по-человечески. У родителей появилась кровать,
кое-какая мебель. Папа смастерил нам с братом из палок и брезента раскладушки, которые
на день убирались, и в комнате становилось просторно.

Пожар. Не могу не рассказать о грандиозном происшествии, случившемся вскоре нашего
переезда в эту квартиру.

Как-то вечером послышались за окном возбуждённые голоса соседей, кто-то пробежал
мимо наших окошек в полуподвальном этаже. Нам с братом стало любопытно, что же такое
происходит, и мы с ним выскочили во двор и буквально остоленели. На фоне летнего, тёмного
неба полыхало огромное зарево. Каким-то гигантским веером пламя заслонило весь небосклон
и тысячи-тысячи искр падали на наш двор. «Пожар» – догадались мы. Горела редакция, распо-
ложенная недалеко от нашего дома. Это зрелище просто дух захватывало. И хотя мы понимали,
что это большое несчастье, но красота стихии объяла всех, кто наблюдал за этим потрясающим
зрелищем. От чего произошёл пожар никто не знал, высказывались различные предположения.

А на утро мы пошли взглянуть на сгоревший дом. Чёрные провалы окон и дверей, закоп-
ченная кладка, грустно было это видеть. Дом был многоэтажный, большой и горел как гигант-
ская свечка.

В наших домах жили разные семьи, у некоторых были дети, с которыми мы, конечно,
подружились, и наше детство прошло в большом просторном дворе, где мы играли целыми
днями в казаки-разбойники, в банку, в мяч, прыгали через резиночку и скакалку, в классики,
в жмурки и прятки. Во дворе было много цветов, некоторые росли в человеческий рост, и в них
хорошо было прятаться. В общем, играли в игры, которые существуют на свете сотни лет и зна-
комы всем детям. Играли вместе с китайчатами. Во дворе был флигель, в котором жил управ-
ляющий домами Ла-вей. У них каждый год появлялся ребенок, со старшими мы вместе играли,
как-то объяснялись, понимали друг друга.

До сих пор помню отчетливо всех жильцов этих домов. В нашем доме №1 на втором
этаже жили три сестры Кузнецовы, не то вдовы, не то старые девы, не помню. В другой квар-
тире напротив них жила семья Дзыгарей. Александр Дзыгарь был известным скрипачом, ездил
на гастроли. Они со своей женой Марой были красивой парой. У них было двое детей-малы-
шей. Совсем недавно я прочитала в газете НСМ, что А. Дзыгарь умер. В 1945 г. его, как и мно-
гих русских мужчин, «СМЕРШ» вывез в СССР и посадил на 11 лет за несуществующие деяния.
Дзыгарь же пробыл на севере 25 лет, потерял семью и ценную скрипку. После реабилитации
пришлось начинать жизнь заново. Умер он в Москве, где жил в последние годы.

На третьем этаже жила бездетная семья. Он был коммерсантом. Жили они зажиточно, а мадам-«барыня», как её величали, не работала, естественно, и всё прогуливалась по двору в роскошном халате со своей болонкой.

Напротив них жила семья Перебойносовых. Он где-то служил, был женат на китаянке. Единственный, случай, когда русский женился на китаянке. Она была европеизированная, говорила по-русски, но с сильным акцентом. С их милой дочкой-полукровкой Светой мы были очень дружны, что называется, не разлей вода. Она была на год младше меня, и когда я пошла в школу и корпела над домашними заданиями, она мучилась в ожидании, через каждые 10 минут подходила к окну и спрашивала: «Ты скоро?» «Скоро, скоро», – отвечала я, но проклятые палочки и закорючки так медленно поддавались написанию, что я сама ёрзала от нетерпения. Но вот, наконец, последняя закорючка дописана, бегу во двор, мы с упоением начинаем играть в «дом», нянчим кукол, мастерим из листьев пельмени с песком, наводим уют в кукольной квартире, но вскоре уже нас зовут домой, так как времени уже много и пора ужинать и спать. Ведь завтра рано в школу. Светка первая просветила меня в тайны женского организма и как появляются дети. Я не поверила, не могла себе представить, что такой большой ребенок появляется таким образом.

Ещё в нашем дворе были наши сверстницы сестры Майдебур Лена и Зина. Отец их, бывший белогвардейский офицер, стройный, осанистый, женился на простой женщине. Как обычно бывает в таких браках, жена о себе очень мнила, запрещала играть дочкам с нами, так как мы были «бедные». Сама она работала на иностранной табачной фабрике, где обыскивала китаянок, чтобы не воровали сигареты, и хорошо зарабатывала. Вообще, все, кто работал в иностранных фирмах, жили материально очень хорошо. Но устроиться туда было очень нелегко, т.к. желающих было много, а учреждений и рабочих мест – мало.

С Леной и Зиной произошел забавный случай. Им пришла посылка, и мать отправилась на почту получать её. Когда она предъявила паспорт, раздался хохот. Девочки хорошо поработали, разрисовали весь паспорт домиками, корабликами. Подрисовали усы, рога, серьги и бороду по грудь. Матери, однако, было не до смеха, пришлось менять паспорт.

Лена и Зина всегда были ухоженными, чистенькими девочками, всегда в одинаковых платьях, их отправляли учиться в г. Харбин в Конвент Св. Урсулы – закрытое учебное заведение для девочек.

Интересно складывается судьба человека. Через много лет мой брат попал служить в армию в г. Оренбург и встретил Зину. У них завязался роман, и дело шло к свадьбе. Но мой братец почему-то уехал после окончания службы без неё. Конечно, дело было не в глупой мести, просто жених струсил.

Ещё в одной семье Емсенко была дочь Таня моего возраста, с которой мы тоже вместе играли. Её родители разошлись, и мать вышла замуж за молодого мужчину. К Тане она относилась как-то неровно, девочка была такой нервной, у неё постоянно тряслись губа и руки. На уроках она терялась, вся дрожала. Бедняжка, всеми брошенная, она погибла в 20 лет где-то в Сибири, куда её завез муж, да затем бросил.

Ещё в трёх семьях Седлячек (чехи), Колоколовых и Фрост были маленькие дети – Рома, Булька – прозвище приёмной дочери Седлячек и Света.

Мне было 7—8 лет, когда матери доверяли мне своих чад, если им нужно было отлучиться. Каждый день только и слышалось: «Леля (я), посиди с моей Светой», «Лёля, посиди с моим Гошкой» или Булькой. Я была девочкой очень серьёзной и ответственной с пелёнок. Наверное, поэтому матери прониклись ко мне таким доверием. Тем более, что я всегда была рада услужить и с детишками водилась с удовольствием. Самой судьбой, видимо, мне было суждено всю жизнь быть с детьми. Сначала нянчилась с соседними ребятами, и в 12 лет мама подарила нам братика Евгения, забота о котором полностью легла на мои детские плечи. Вечно я возилась с детьми соседей, уже будучи замужем, потом родилась дочь, и всю жизнь

проработала в детском саду. И трое внуков, которых пестую с пелёнок до сих пор. Так много сил, знаний и любви я им отдала, что сейчас у нас взаимная крепкая любовь и уважение. Теперь в конце пути я поняла, что в детях было мое призвание.

Сейчас вспоминаю, что ни один из родителей подопечных мне детей ни разу не угостил меня даже конфетой. Лишь один раз мадам Седлячек вынесла горшок с косточками от абрикосов, и мы их так наелись, что заболели животы.

Леденцы. Нельзя без улыбки вспоминать о нашей детской с братом шалости. Шёл 1940 год. Мы жили при японцах, которые собирались воевать 90 лет, забивали склады продукцией, а в целях экономии ввели карточную систему. Как-то к празднику выдали талоны на леденцы. Мама в это время гостила у родных в г. Харбине. Папа принёс красивую, круглую, жестяную коробку полную конфет, чтобы мы не трогали её до маминого приезда, он хотел сделать ей сюрприз и поставил банку в шкаф. Мы прониклись важностью папиного решения и вытерпели 2 дня. Словно 2 шkodливых мышонка мы только и думали об этих леденцах. Мама всё не возвращалась и, наконец, мы решили, что если мы съедим по одной конфетке, то никто не заметит, т.к. их там много. Сказано – сделано.

Удовольствие было восхитительным и процедура повторялась ежедневно и не по разу.

Наконец, вернулась мама. Папа был счастлив, обнял её, расцеловал и вытащил коробку из шкафа, чтобы сделать ей сюрприз. Очевидно вес коробки его озадачил, он открыл крышку, заглянул внутрь и посмотрел на нас. Мы повесили носы. Мама тоже заглянула в банку и расхохоталась. На дне сиротливо лежали 2 леденца.

Когда мне было ещё года три, мама с подругой пошли в кино и взяли меня с собой на дневной сеанс. Пока они чирикали и щебетали, вдруг заиграла музыка. В один миг я забралась на сцену и начала танцевать. Успех был ошеломительный. Все начали хлопать и смеяться. Маме с трудом удалось оторвать меня от этого восхитительного занятия. Это ли не перст судьбы? Ведь я 30 лет проработала музыкальным работником, выступала в самодеятельности с сольным пением. На конкурсе «Лейся, песня» завоевала 1 место.

После этого лирического отступления вновь возвращаюсь к нам во двор, двор моего детства.

Летом мы учились кататься на велосипедах и очень скоро овладели этим нехитрым искусством, хотя велосипед был мужской, и нам приходилось заталкивать ногу под раму, чтобы сдвинуться с места, и ездили мы боком, прямо, как циркачи.

Зимой строили горку. Лепили снеговика, и это было так восхитительно интересно, что мы никак не могли оторваться от этого занятия. Ноги отчаянно мёрзли (я вообще была малокровная и вечно мёрзла, мама всё говорила: «Ты у меня прямо старушка, всё кутаешься, наверное, будешь старой девой»).) Каждые 10 минут я бежала домой и натягивала ещё одну пару носков. Этого хватало ненадолго, и вновь я бежала домой за очередной парой вприпрыжку, с ножки на ножку. Но как бросить такое увлекательное занятие! Затем, когда горка была готова, мы лихо скатывались с неё. Однажды, скатываясь в очередной раз, я содрала колено гвоздем, что торчал на боку на санках. На морозе ничего не почувствовала, а дома коленка начала саднить. Когда я на неё глянула, то просто испугалась. Вместо коленки зияла огромная кровавая рана. Долго она заживала, и шрам остался на всю жизнь, как память о весёлых днях. А тогда было не до смеха. Я ужасно боюсь вида крови, и упала в обморок.

Самые лучшие праздники – Рождество и Пасха – праздновались всеми русскими с особой торжественностью и размахом. Как бы ни нуждались, в эти дни лезли в долги, но столы ломились от яств и вин. Китайцы-разносчики всегда знали о наших праздниках и приносили всё на дом, что нужно в долг «под запишу». Конечно, они нас и обвешивали, и обсчитывали, но ждали долги по году. И лишь под китайский Новый год нужно было обязательно погасить долг, хотя бы частично, такова была традиция, и все русские соблюдали её. Ведь в трудную минуту китайцы всегда приходили нам на помощь.

Подготовка к празднику начиналась задолго до него. Сначала генеральная уборка. Мы с хозяйской крестницей Таней Новокрещеновой (бедняжку нашли дома мёртвой в 16 лет – большое сердце) начинали с мытья окон, дверей, полов, перетирали посуду. Писали письмо Деду Морозу и вешали носки на ночь.

В одну из недель поста мы говели. Ходили на службу в церковь, соблюдали пост. Затем исповедовались у батюшки в своих детских грехах и принимали причастие. Однажды, помню, как после принятия святых таинств на меня снизошло какое-то неземное возвышенное состояние, которое я не в силах выразить словами. И тут же подбежали подружки, когда я сошла с паперти, и этот восхитительный миг благодати нарушился. Дважды в жизни я испытывала это блаженное чувство восторга и чистоты. Второй раз это было в г. Челябинске, когда привозили чудотворную икону Николая-Чудотворца. Мы с мужем выстояли огромную очередь в очень плохую погоду, было холодно, ветрено. В тот миг, когда я приложилась к иконе, то вновь на секунду ощутила то блаженное чувство. Что это было? Не знаю. Благодать Божия, очищение или нечто другое... Загадка, которую никак не разгадать, но благодарная память хранит это дивное ощущение всю мою жизнь.

Как-то перед Рождеством мы, как всегда, написали с братом письма Деду Морозу, о каких подарках мы мечтаем – о кукольной посуде, оловянных солдатиках и других вожаемых игрушках.

А надо сказать, что ёлку у нас ставили не на Новый год, а на Рождество. Обычно в эту ночь нам как нарочно не удавалось долго заснуть от волнения. Хотелось, чтобы ночь скорее прошла, и можно было бы утром встретиться с ёлкой, а под ней – с подарками.

Но всё не спалось, и вдруг кто-то постучал к нам в окно. Мы с братом притихли, ничего не понимая. Даже испугались. Отец надел шапку. «Посмотрю, кто к нам стучится», – сказал он и вышел на улицу. Мы сидели ни живы, ни мертвы от любопытства, атмосферы тайны.

Через 5—10 минут папа вернулся, весь обвешанный подарками. «Это был Дед Мороз, он проходил мимо и увидел вас в окно и просил передать вам это», – сказал папа и стал раскладывать подарки на стол перед нашими восхищёнными глазёнками. Радости не было конца. В эту ночь мы вообще с трудом заснули от переполнявшего нас счастья. Мы довольно долго верили в существование Деда Мороза, пока однажды ночью внезапно не проснулись и не увидели, как мама с папой наряжают ёлку в нашей единственной комнате. Это было большое огорчение и разочарование. Но ощущение ожидания, радости, волшебства так чудесно украшало наше детство, что даже сейчас это вспоминается с доброй улыбкой и теплом в сердце.

А куличи, а сырная пасха, столы, ломившиеся от яств, визиты – всё в памяти живо. Для хозяек наступал ответственный момент – выпечка куличей. Для этого заранее ставились хмельные жидкие дрожжи в бутылках, которые стреляли орудийными залпами на весь дом. В тесто клали по 100 яиц, куличей выпекали много, больших, средних, так что хватало аж до Троицы. Сдобы клали тоже обильно, опять начинались волнения – подойдут, не подойдут. У всех были разговоры только о куличах: «Ах, у меня что-то не поднимаются, не растут». Но, в конце концов, конечно, тесто поднималось, выпекались чудесные ароматные куличики, которые украшались сбитыми засахаренными белками и цветным маком и розами. Кто что придумает. Когда на стол ставили куличи, крашеные яйца, которые варили зашитыми в цветные ленточки лоскутки или красили красками, творожную сырную пасху в виде пирамидки из специальной формочки, другие яства, то сразу чувствовался праздник – Пасха.

На праздниках было принято делать визиты, и с утра уже начинали заходить знакомые в гости, чтобы поздравить хозяев и отведать праздничного угощения. К вечеру обычно эти визитёры еле-еле добредали домой, изрядно нагрузившись за день. А на Пасху мальчики мечтали похристосоваться (троекратный поцелуй в честь праздника).

Дети, конечно, тоже не отставали. Мы заранее предвкушали, сколько вкусного съедим. Обычно мы ходили поздравлять своих тётушек и дядюшек и так быстро наедались, что

часто дело заканчивалось рвотой. Родни было много, всех надо было уважить, а желудок мал и не приучен к изобилию.

Особенно я любила бывать у тётки Кати. Время было мирное, тётя Катя жила с мужем в богатой просторной квартире, полной всяких красивых вещей. В огромной спальне стояла большая двуспальная кровать под кружевным покрывалом, на которой сидела большая роскошная кукла с закрывающимися глазами, вся в шелках, лентах, бусах-жемчугах.

На стене и на полу располагались тигровые шкуры, натуральные, красиво выделанные, с мордами, подбитые зелёным сукном. На этом сукне они выглядели очень нарядно. Ни у кого и никогда больше я не видела такой роскоши. Когда тётя осталась одна, то продала эти шкуры за большие деньги, и на это жила какое-то время. Была у неё масса лакированных японских шкатулок, изумительных статуэток. Особенно одна запомнилась мне на всю жизнь. Размером 30—35 см, она изображала девчонку-негритянку, спешащую в школу. Под мышкой у неё была книга, и вся она была устремлена вперёд, против ветра, с развевающейся оранжевой юбкой.

Когда тётя приезжала к нам уже старушкой, я её спросила, жива ли статуэтка. Увы! Её по неосторожности разбили. Я по натуре очень близка к тётке. Так же люблю красоту, красиво одеваться, украшения, вот только жизненной хватки нет, как у неё, а может это потому исчезло, что не было в этом нужды.

Ещё я очень любила справлять свой день рождения. Дважды подводила маму, без предупреждения приглашала к себе на чай весь класс. Хорошо, что в ближайших лавчонках все было, и мама, схватившись за голову после моего объявления, что скоро будут гости, мчалась за покупками, быстро пекла пироги (на которые она была большой мастерицей), и ребятишки уходили сытые и довольные после весёлых игр в придачу. А я была счастлива, любовалась подарками, хотя получала взбучку за самоуправство.

Мы со Светочкой Перебейносовой были большими затейницами. Любили всё красивое: одежду, вещи, книги, людей. Я помню, как дважды приходила домой и потрясённая, рассказывала маме, какую красивую тётю я только что видела. Это были действительно очень красивые женщины, но факт остается фактом, что я на это обращала внимание.

С раннего детства я люблю украшения, совсем ещё маленькой девочкой просила у отца монетку, бежала в лавчонку и покупала хлопушку. Как стрельнешь – из неё вылетало пластмассовое колечко. Не снимала его до тех пор, пока оно не ломалось. Тогда снова кланчила у отца монетку. Потом папа купил мне медное кольцо с камушком, и я носила его очень долго. Ежедневно надраивала его песочком, и оно блестело, как золотое. Когда в городе была военная неразбериха, мальчишки подобрали с тротуара у ювелирного магазина шлифованные камушки. Не подозревая об их стоимости, мы играли с ними, обменивались, подкидывали. Один небольшой камушек я вставила в свое «золотое» кольцо, и оно, действительно, выглядело неплохо. Однажды родители заметили, чем мы играем, отобрали наши «цапки» и выменяли на мешок муки. А время было трудное.

Но однажды мы со Светой заплатились за свой эстетизм. За одной барышней из нашего двора Верой Можиной ухаживал очень красивый молодой человек. Он приезжал к ней обычно на велосипеде, на котором мы потом катались. Когда он ехал к нам спиной, мы со Светкой ему вслед посылали воздушные поцелуи и сдували их с ладошки, восхищаясь его красотой. Кто-то во дворе это заметил, доложил, конечно, Вере, и она при всем честном народе, а обычно по вечерам многие выходили во двор подышать свежим воздухом, благо он у нас был цветущий и красивый, отчитала нас резко и грубо, что это неприлично так маленьким девочкам поступать. Так мы заплатились за любовь к прекрасному, что однако совершенно не убило в нас тяги ко всему красивому, и украшения я любила и люблю до сих пор.

Незабываемыми остались посещения дней рождения. У Альпировичей был единственный сын Марк, в котором родители души не чаяли. Родители, оба были маленькие, круглые, какие-то уютные, очень добрые и гостеприимные. «Чтоб не измучилось дитя от скуки», они

приглашали нас с соседского двора поиграть с ним. Смешно вспомнить, как мы играли в войну, а тогда уже было много разговоров о ней, и еврейский мальчик изображал у нас фашиста, а мы брали его в плен. Делалось это совершенно без задней мысли, это была игра и только. Только теперь я понимаю курьёзность этой игры. А ведь роль он выбирал сам. На день рождения Марка накрывался такой стол, «что ни в сказке сказать, ни пером описать». Даже попробовать всё было невозможно. Пили крюшон из роскошной крюшонницы с позолотой, наливали большой специальной разливательной ложкой из серебра. Вскоре Марк тяжело заболел корью, возможно, что он заразился от нас. Мальчик он был полный, рыхлый и болел, бедняга, так тяжело, что доктора опасались за его жизнь. Все любили эту семью за доброту и отзывчивость, и болезнь мальчика никого не оставила равнодушным. Буквально все при встрече задавали вопрос: «Ну, как там у Альпировичей?» Но, наконец, слава Богу, кризис миновал, и Марк поправился. Они уехали в Израиль, где Марк стал военнослужащим. Сейчас уже и он не очень молод.

Гостеприимным и радушным был дом Фазлихатов. Отец принимал больных в своей глазной клинике (он лечил травами), а дома хозяйничала его жена, простая русская женщина. У них было две дочери Гольсема и Ракия. Обе учились в нашей школе. У них был ещё брат, но умер в младенчестве, с чем родители никак не могли смириться. В доме его комнату сохраняли, как музей. Всё, как при его жизни: мебель, шторы, покрывало, игрушки. Мать всегда плакала, когда заходили в эту комнату, но разрешала нам заходить в неё, взглянуть. Они жили по мусульманскому обычаю, хотя мать не закрывала лица. Мы бывали у них в дни праздников и в дни рождения. Пироги пекли из курятины.

Обычаи китайцев. Большим нашим развлечением было наблюдать за жизнью нашего при-вратника-китайца. Рано утром он обходил все квартиры, разжигал у всех печи автономного отопления. На кухне стояла большая чугунная печь, на которой было написано «Arkola».

Он запирал на ночь ворота, следил за порядком, а его жена целыми днями мастерила тряпичные туфли, а затем роскошно вышивала их гладью.

Сторожка, которую они занимали, была крохотная, и большую её часть занимал кан – лежанка с подогревом. Мадама брала картон и наклеивала на него несколько слоев тряпок, затем просушивала их и прошивала дратвой, предварительно скроив подошвы. Сверху пришивался атласный или сафьяновый вышитый верх. Настоящее произведение искусства. Каждая китайка обладала этим искусством-умением. Вся их жизнь проходила во дворе к нашему удовольствию. Особенно мы любили смотреть, как они готовили еду. Настоящее зрелище-шоу. Ну, а уже о качестве и вкусоности китайской кухни можно писать трактаты. Обычно к вечеру на небольшую уличную печурку, которая топилась специальными угольными брикетами, в виде большой шайбы с дырками, ставилась сковорода – ташо в виде большой чаши-полусферы. Когда накал достигал своего апогея – в ташо наливалось растительное масло, и в разогретый жир бросались мясо, овощи и специи. Всё это быстро-быстро размешивалось, поливалось соевым соусом и мгновенно снималось с огня. Раскладывался отваренный на пару рис по пиалам и палочками подхватывали еду из ташо.

А как они делали лапшу! Настоящий цирковой номер. Голый по пояс китаец мнёт, бьёт, катает, раскатывает, наверное, смазывает и продолжает катать, тянуть, бить по потной спине и вновь раскатывать, тянуть, пока в один прекрасный момент тесто не принимало форму длинного полотенца. Затем «раз» и сильным ударом о стол эта длинная полоса распадается на тончайшую, великолепную лапшу. Эту лапшу можно было съесть с горячим бульоном на любой улице и в любое время суток в специальных будочках. Назывались они «удон».

Китайцы потешались, когда видели, как мы делаем пельмени, раскатываем сочень всей скалкой. Они же берут в левую руку сочень и, быстро вращая его правой рукой, уголкем скалки раскатывают только края, затем большим и указательным пальцами ловко сжимают пару раз сочень с фаршем, и пельмень готов!

Семья привратника была доброй, щедрой. Наблюдая за нашим великим интересом к их кулинарным способностям, они всегда предлагали разделить с ними трапезу. Но мы отказывались, наше домашнее воспитание запрещало нам кланяться кому-либо у кого-либо. Это было «неприлично». Нами руководило любопытство, а не голод. Мы дружно отказывались, что не мешало нам на следующий же день-вечер снова занимать свой пост у очага и с огромным удовольствием наблюдать снова и снова за этим захватывающим зрелищем-действом.

О китайской кухне я пишу с радостью, и эта тема не надоедает никогда. Опишу вкратце наши детские китайские лакомства. Во-первых, тахула – обычно разносчик таскал целый день связанный сноп соломы на треноге. В этот сноп и воткнута тахула -палочки с нанизанной на ней бояркой, в надрез которой вставлялась долька мандарина. Боярка в Китае такая крупная, как наше небольшое яблочко и очень вкусная, мясистая. Всё это обито сахарной глазурью и выглядит аппетитно и очень вкусно. Ещё совсем малышами мы бегали в соседние лавочки, где за гроши покупали конфеты «пупсик». Сделаны они были из арахиса и имели вид пупса. Вкусом напоминали «раковые шейки». А ещё мы обожали липучки. Небольшие палочки с целой серией пустот, сверху были обвалены кунжутным семенем. Когда их ешь, то во рту вкус нуги с кунжутом.

А как здорово китаец торговал сахарными зверюшками! Настоящий стеклодув, он выдувал из карамельной массы различные фигурки и насаживал их на палочку. Фигурки зверей, птиц и деток получались, как настоящее произведение искусства, даже жаль было их сосать.

А всевозможные изделия из теста, жаренного во фритюре. В школе мы постоянно чем-нибудь увлекались. То вдруг нападали на свежие финики, то на фруктовый плов, сделанный из пшена или риса с финиками. Каждую порцию продавец заворачивал в кукурузные листья. Как-то наша школа переехала на другую улицу, и мы тут же обнаружили в соседской лавчонке пампушки с красными сладкими бобами. Их стали раскупать в большую перемену. Китаец живо смекнул, что это ходкий товар, и стал изготавливать их так много, чтобы полностью удовлетворить наш спрос.

С малых лет и до сей поры по своей натуре я – лакомка, сладёна. Просто так пить чай не люблю, обязательно должно быть услаждение в виде печенья, торта, пирожного, зефира, халвы, конфет и т. д. и т. п. Сама я очень недурно стряпаю торты и всякую всячину для ублажения плоти, правда, сейчас приходится воздерживаться.

Но пишу я об этом, чтобы описать наши кондитерские в г. Мукдене. Их было много, но особенно славились две: Фатеева и Гольденберга. Какие они творили чудеса! Вернее, их кондитеры. У Фатеева был Ящук – просто кудесник. Таких пирожных я больше не ела нигде и никогда. Там ничего не уворовывалось, хозяин следил строго, клали какао-масло, очень дорогое, промачивали ромом или коньяком. Какие ещё секреты существовали, а они, конечно, существовали, но их пирожные, а особенно «Поцелуй негра», шоколадом облитый шар, и «Париж», сделанный из тёртых орехов, тоже в шоколаде, не могут сравниться ни с каким другим произведением кондитерского искусства. Была я туристом за границей и в Москве, и в Петербурге, не знаю, как сейчас, но неплохие, в общем, изделия и в подмётки не годились «Парижу» или «Поцелую». Пирожные стоили дорого, поэтому нам редко удавалось ими полакомиться.

Когда я стала работать, то мама мне с каждой полочки давала немного денег на сласти. В то время я очень любила «заливные орехи». Половинка грецкого ореха с половинкой сладкой начинки. Все это обито прозрачной карамельной массой. Начинки в виде густой массы были восхитительны. Я так примелькалась в кондитерской ежемесячным посещением, что продавец, встретив маму, когда я уже уехала в СССР, обязательно об этом напоминал и предлагал купить эти орехи: «Ведь Ваша дочь их так любила». Мы, русские, в городе друг друга все знали, т.к. нас было мало, и посещали мы обычно одни и те же места.

Но пора остановиться с разговорами о еде. Вернусь к нашему привратнику Та-дину. У него умерла жена, как-то внезапно и он вскоре женился вновь, жену выбрал молодую, был явно счастлив, расцвел, помолодел. Но счастье длилось недолго. Не прожив и года, Та-дин умер от дизентерии. Все его жалели. Хотя на их свадьбе мы были тут как тут, но запомнили её плохо. Вот похороны помнятся отлично. Над дверью вешалось зеркальце, чтобы дракон, увидев себя, устранился своего вида и убрался прочь, не нанося вреда. Из лёгких жердочек и цветной бумаги приобретались фигуры домашних животных в натуральную величину. Целыми днями играла своеобразная музыка, а длилось это долго, по несколько дней, в особенности надрывалась дудка. Всех животных сжигали в жертвенном костре и ещё долго после у обочины дороги тлели остатки сожжённых муляжей. По-видимому, когда-то в жертву приносили настоящих животных, но время их прошло и перешли на имитацию. Гроб был деревянный, весь исписанный иероглифами и картинками страшного суда (если мне не изменяет память). Вся семья одевалась в траурные одежды белого цвета. На похороны приглашались платные плакальщики, которые очень правдоподобно, профессионально и рьяно изображали скорбь с причитаниями. Под музыку гроб выносили, проносили по улицам и устанавливали на китайском кладбище, не предавая земле. Нищие раскрывали незабитый гроб, стаскивали с покойника одежду, а бродячие собаки довершали дело. Часто от заразного умершего бродяги разносили болезнь. А вот детей, особенно девочек, конечно, не всех, сразу после родов заворачивали в тряпку и бросали прямо на помойку. Одна мать, мы были очевидцами, ещё подходила, слушала писк и возмущалась: «Хамэй-сыла», т.е. «всё ещё не умерла».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.